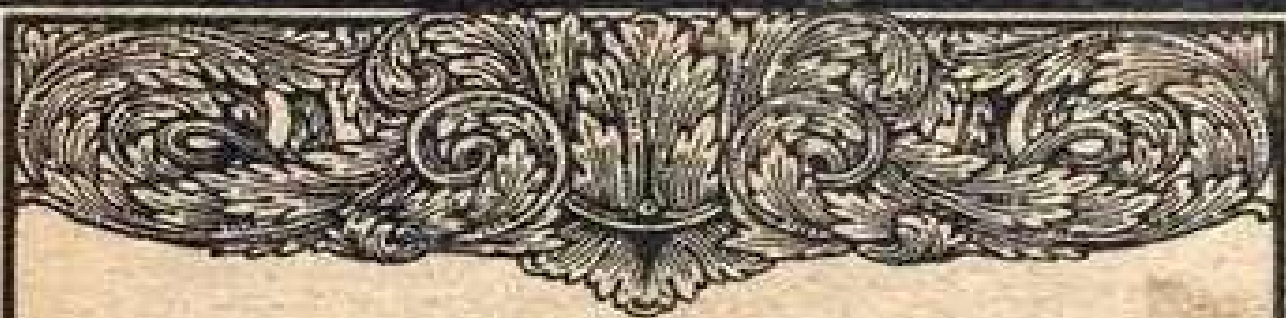

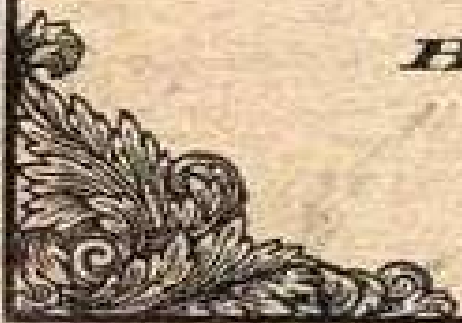
ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

АНГЛИЯ

БАЛЛАДЫ
О
РОБИН ГУДЕ

*ВЫПУСК
№ 8*

ПЕТЕРБУРГ
MCMXIX

Annotation

«Народные баллады рисуют Робин Гула неутомимым врагом угнетателей норманнов, любимцем поселян, защитником бедняков, человеком, близким всякому, кто нуждался в его помощи. И в благодарность за это поэтическое чувство народа сделало из простого, может быть, разбойника, героя, почти равного святому». (М. Горький).

Баллады опубликованы в переводах известных поэтов Серебряного века.

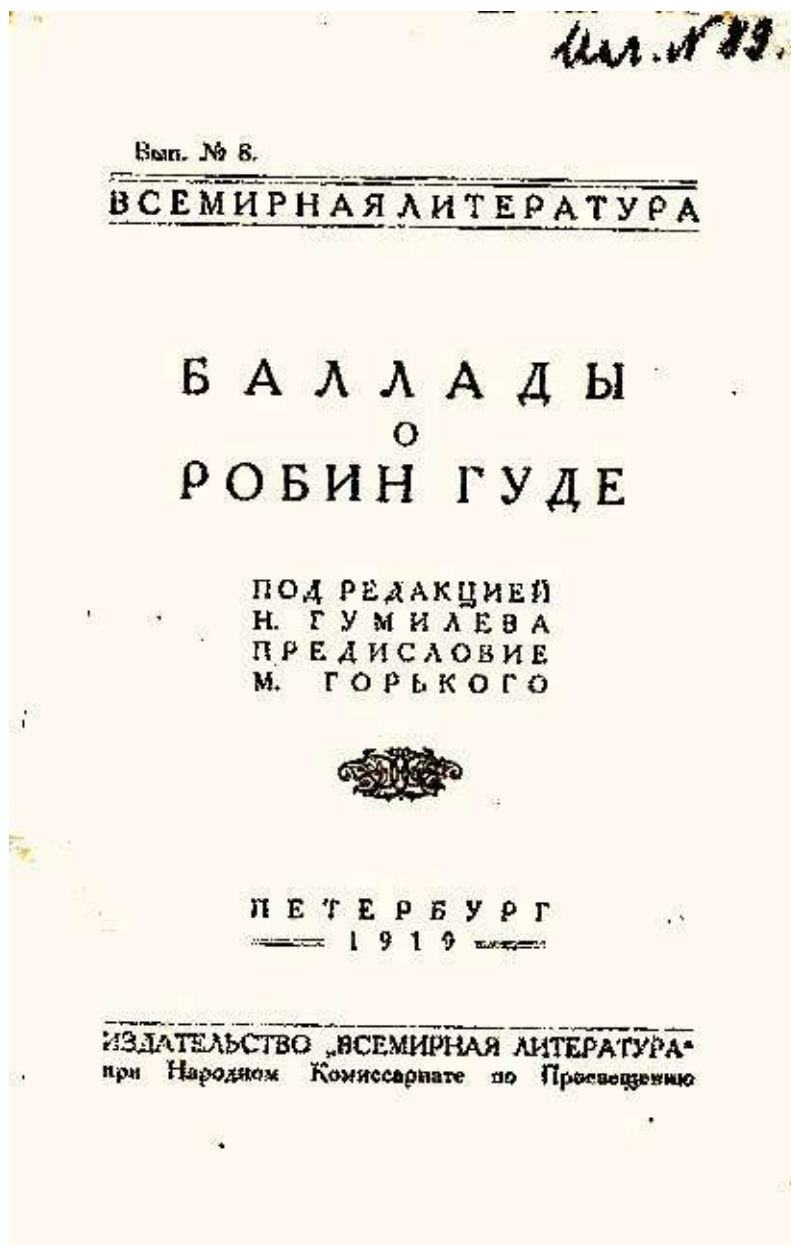
- [Баллады о Робин Гуде](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Песнь первая](#)
 - [Песнь вторая](#)
 - [Песнь третья](#)
 - [Песнь четвертая](#)
 - [Песнь пятая](#)
 - [Песнь шестая](#)
 - [Песнь седьмая](#)
 - [Робин Гуд выручает Виля Статли](#)
 - [Посещение Робин Гудом Ноттингама](#)
 - [Робин Гуд и Гай Гисборн](#)
 - [Робин Гуд и нищий](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Робин Гуд и епископ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)

◦ [10](#)

Баллады о Робин Гуде

Под редакцией Н. ГУМИЛЕВА
Предисловие М. ГОРЬКОГО

Предисловие

Во все времена, у всех народов разбойники пользовались особенным, сердечным вниманием и какой-то странной, детской любовью. Это непонятно: как и за что можно любить человека, который живет тем, что грабит, убивает, превращая в прах и пепел имущество, накопленное тяжким трудом? Тут есть какое-то заблуждение разума, темное противоречие чувства.

Ведь большинство людей хочет жить спокойно, хочет без помехи владеть тем, что имеет, стремится прикопить и заработать больше того, что есть в руках, жаждет справедливых законов, которые строго охраняли-бы привычные условия жизни, крепкий ее порядок, мирный труд. Но именно большинство людей — народные массы — всегда и везде прославляли в песнях, сказках, легендах, разбойника, нарушителя законов, безжалостного человека, который льет кровь, как воду, не щадит человеческого труда и презирает его, — именно этот страшный человек является любимым героем поэтического творчества народа и нередко песнь в честь разбойника звучит точно акафист святому. Это странное противоречие рассеется, исчезнет, если мы посмотрим, какими душевными свойствами наделяет разбойника народ.

В одной из народных песен о Робин Гуде, Робин Гуд говорит королю Ричарду Львиное Сердце:

«Я никогда не обижал человека праведного и честного, я нападал только на тех, что живут за чужой счет. Я никогда не пролил крови пахаря»...

Само собою разумеется, что разбойники всех стран и всех времен не очень разбирали — кто праведен, кто грешен или кто честен и кто подл; конечно, разбойники гораздо чаще грабили и жгли беззащитные деревни, села, чем усадьбы бояр и помещиков, живших под защитой каменных стен, воинских дружин, многочисленной дворни. Нет никакого сомнения, что от набегов разбойников прежде и больше всего страдал безоружный и беззащитный поселянин, у которого отнимали скот, жито, сукна, полотна.

Но «народ, тысячерукое чудовище, с умом ребенка и без воли, скованное цепями законов, злое или кроткое, как повелит Судьба» — этот народ, угнетаемый всеми, кто умнее его, чья воля сильнее, выработал — именно вследствие своей беззащитности — крайне сложное отношение к разбойнику.

Прежде всего разбойнику надо было польстить, ведь слабый всегда льстит сильному. Разбойник-же, с своей стороны, нередко платил за лесть кусками своей звериной добычи, и этот нищенский дар сильного слабому укреплял за сильным славу доброго.

Затем в душе каждого, кто притиснут каторжным трудом к малопродуктивной земле, кто живет в неразрывной зависимости от суровой природы — от зноя и холода, засухи и дождя, чей тяжелый труд в поле может быть в один час уничтожен градом или вытоптан боярской охотой, в душе людей, которые никогда не видят благостных результатов своей работы, как видят их люди города — но всегда с тяжелой болью ощущают цепи, которыми сковало их государство, — в душе этих людей неугасимо тлеет искра воспоминаний о какой-то иной жизни, полувзвериной, но свободной, которой жили их далекие предки, не подчиняясь никому и ничему, кроме своих желаний.

Из этой бесплодной мечты о том, что навсегда убито историей развития человечества, никогда уже не воскреснет, из этого веяния древности возникает та цветистая раскраска прошлого, которая называется поэтизацией и которой народ особенно щедро награждал разбойника, свободного жителя лесных трущоб. Было-бы значительно лучше для людей, если-б они, хорошо помня прекрасное в прошлом, научились поэтизировать свое будущее.

Кроме лести слабого и зависти раба, в отношении к разбойнику народ, бесправный и угнетенный, влагает свою страстную жажду справедливости. Он всегда ожидает, что справедливость снизойдет к нему или с небес, от Бога, или явится на земле, рожденная по внушению Божию доброй волей сильных и властных людей — сам своею волей народ не часто решался искать справедливости и биться за нее. Людям забитым казалось, что смельчак, который вышел на их-же среды, из их деревни, а теперь живет в лесу легкой и свободной жизнью, грабя прохожих и проезжих бедняков и богатых, «не брезгая ни кожей, ни луковицей», бражничая с товарищами, деля поровну с ними всякую добычу, — живет без труда, как воевода в городе или боярин в усадьбе, — людям казалось, что этот человек воистину справедлив, ибо он ко всем одинаково безжалостен.

Но, быть может, наиболее мощной причиной любовного отношения народа к разбойнику является древне рожденное чувство поэзии, чувство, более или менее ярко и трепетно горящее в тайной глубине человеческой души. Поэзия — смятенная ложь, без которой наша жизнь была-бы пуста и мертва, а может быть поэзия — высшая и чистейшая правда, достигаемая нами на трудном нашем пути от чрева матери до могилы. Так или нет, но

именно поэзия — та сила, которая создала всех добрых богов, посредством отвлечения человеком от себя самого своих лучших чувств, мыслей и желаний. Бог есть воплощение и соединение людьми чистейших качеств обоих в образе единого, всемогущего, разумнейшего и прекрасного существа, — Бог есть одухотворенная поэзией вера в возможность бесконечного совершенствования разума и чувства.

Глупость людей, их звериные чувствования, скотские желания — наследие глубокой животной древности — создали жизнь, в которой тесно истинно человеческим чувствам и мыслям, рожденным, однако, все тем-же человеком из его мучительной неудовлетворенности самим собою и своей жизнью, — это чувство неудовлетворенности — самое драгоценное из всего, чем обладают люди, из такого чувства возникло все, чем все мы можем гордиться, и пока оно живо — человек не утратит возможности быть прекрасным, хотя бы в далеких веках грядущего.

Некуда вместить свое хорошее, не хватает сил воплотить лучшее души в эту грязную, кровавую, до ужаса запутанную жизнь, и все прекрасное, мучительно-рожденное в себе самом человек воплощает в образ Бога, героя, юродивого, разбойника, — всегда в кого-то, кто величавее, краше, добрее, разумнее, сильнее человека, но кто всегда соткан из живой ткани его мозга, его сердца, его бесконечно страдающей полузвериной. полудетской души, — его милой души.

Итак: отношение народа к разбойнику слагается из страха пред сильным, из лести и зависти к нему, из воспоминания о древней, полузвериной жизни, из надежды, что разбойник, постоянно нарушающий все законы государства, может окончательно уничтожить их и создать на земле одну для всех справедливость — беззаконие; наконец, из непобедимого стремления людей воплотить в жизнь лучшие свои мечты, надежды и помыслы, создавать из них прекрасные образы поэзии и образцы для своего поведения в жизни. В творчестве истинно-народном эстетика — учение о красоте — всегда тесно связана с этикой — учением о добре.

Теперь о Робин Гуде.

Это был разбойник, не совсем похожий на разбойников наших русских сказок и преданий. Он имеет мало сходного и с такими бунтарями против царской власти, каковы были Степан Разин или Емельян Пугачев, к тому же он менее, чем они, ясное историческое лицо.

Робин Гуд жил в конце XII века, приблизительно в 1180–1200 гг., в Англии, в огромном лесу Тир-Вуд, графства Норк. В то время в Тирвудском лесу укрывались остатки старинного населения Англии — саксы, только

что побежденные норманнами, выходцами из Франции.^[1]

Эти остатки свободолюбивого народа, не желая подчиняться жестокой власти завоевателей, чуждым обычаям и законам, жили в лесу, сохраняя военную организацию, отличавшую их от простых разбойников больших дорог, нападая только на богатых норманн, на их дворянство, судей, священников и монахов. Робин Гуд был героем именно этих бедных, незначительных людей. Историк того времени говорит о нем лишь несколько слов: «Между людьми, лишенными собственности, был тогда знаменит Роберт Гуд, которого простой народ так любит выставить героем своих игр и комедий и которого история, воспеваемая менестрелями^[2], занимает саксов более всех других историй».

Это — все, что сказано о Робин Гуде хроникером эпохи. Всем остальным наделил Гуда народ, не редко создающий силою своего воображения святых и героев из незначительных людей, как создал он из простых явлений природы — грома, молний, тени, света — величавые образы поэзии.

Робин Гуд был сакс, и самые старые, а следовательно, самые достоверные, баллады говорят, что он человек крестьянского рода. Позднее, когда ненависть между победителями и побежденными была изжита и они слились в одно мощное племя, песни о Робин Гуде стали украшать его знатностью происхождения, представляя стрелка то графом, то внебрачным ребенком обольщенной девушки-дворянки. В этом желании сделать — во что бы то ни стало — своего любимца человеком знатного рода, кажется, скрыто наивное желание простых людей сказать аристократии: «Чем наши хуже ваших»? Народ издавна знает, что добрые подвиги не заметны без титула и даже создал горькую пословицу: «Из простых — нет святых», забыв, как всегда, о Христе — сыне плотника — и апостолах его, рыбаках.

Для нас не важно — кем рожден Робин Гуд и какое он был в действительности, важно чем наделила его от щедрот своей души народная масса, и по сей день воплощающая свое лучшее не в жизнь, а куда-то вне ее.

Народные баллады рисуют Робин Гула неутомимым врагом угнетателей норманнов, любимцем поселян, защитником бедняков, человеком, близким всякому, кто нуждался в его помощи. И в благодарность за это поэтическое чувство народа сделало из простого, может быть, разбойника, героя, почти равного святому. Робин Гуд имел в году свой, посвященный ему, день, и в этот день вся Англия — города и

села — прекращала занятия, «церкви и мастерские были пусты, ни святой, ни проповедник не могли одержать в этот день победы над любимцем народа». Почти четыреста лет праздновался этот день, и вот как жалуется английский епископ Латимер, живший в XVI веке.

Об'езжая свою епархию, он прибыл в небольшой городок близ Лондона и об'явил, что на другой день, по случаю праздника, скажет проповедь в церкви, «но, — говорит он, — когда я отправился в церковь, то, к изумлению моему, увидел, что она заперта; я послал за ключом и ждал его на паперти более часа; наконец, ко мне подошел какой-то человек и сказал: «Сэр, мы сегодня не можем слушать вашу проповедь, потому что празднуем день Робин Гуда, все наши прихожане в лесу, и вы напрасно стали бы ожидать их». Епископ был одет в торжественные ризы, ему пришлось снять их и, отложив церковную службу, уступить прихожанам, которые, нарядясь в зеленые кафтаны лесных стрелков, изображали на площади перед храмом жизнь Робин Гуда, его веселого друга — Литтль-Джона и других его друзей. В этих играх одинаково дружно, вместе с саксами участвовали и потомки победителей-норманнов, не зная уже о том, как страшен был Робин Гуд для их предков.

В сохранившихся легендах ничего не говорится о конце жизни Робин Гуда, но существует предание, что он умер в женском монастыре, куда явился, больной, просить помощи. Нужно было пустить кровь ему; норманнка-монахиня, которая умела делать это, узнав Робин Гуда, выпустила крови слишком много, и Робин умер.

После его смерти шайка, душою и главой которой он был, рассеялась. Маленький Джон, не имея возможности держаться в Англии и побуждаемый желанием продолжать борьбу против норманн, переехал в Ирландию, чтобы принять там участие в восстаниях ирландцев.

Вот почти все, что можно добавить к народным легендам о Робин Гуде, герое английского простонародья.

Русский народ, двести пятьдесят лет изнывавший под игом татар, не создал или не сохранил в памяти своего сердца героя, подобного веселому Робин Гуду.

М. Горький.

Песнь первая

Я расскажу вам, господа —
Терпенье, дайте срок,—
Как славен Робин Гуд, а с ним
Джон Маленький стрелок.

В веселом графстве Ноттингам
Родился Робин Гуд
И милый город Лексли был
Сперва его приют.
Отец его охотой жил
И был стрелок такой,
Что за две мили мог на дюйм
Он попадать стрелой.
Пускай Вильям и Клем из Ключа
И из Клодельса Белл
На сорок меток били в цель —
Он всех их одолел.

Был матери его сродни
Сэр Гай, который сам
Повесил шкуру кабана
К Варвикским воротам.
А брат ее звался Гамвелл
Из рода Гамвелл-Холл.
Он первым в графстве Ноттингам
Свое поместье вел.
Мать Гуда мужу говорит:
«К Гамвеллу погостить
Ты должен Робина со мной
Сегодня отпустить».
Ответил он: «Тогда скорей
Ты лошадь собери,
Сочельник завтра, надо вам
Уехать до зари».
И лошадь серую слуга

Оседланной привел.
Был Гуд одет и короткий плащ
И праздничный камзол.

В темнозеленом платье мать,
Как Гуд, в плаще она;
У короля такого нет
Добротного сукна.
Повесил саблю Робин Гуд,
На правый бок кинжал.
«Дорога долгая, спешим!»—
Он матери сказал.
На лошадь за его спиной
Без страха села мать,
Вдвоем легко их добрый конь
Мог по дороге мчать.
Сначала Робин у друзей
Соседей сел за стол.
Потом ни разу не слезал
До замка Гамвелл-Холл.
Эсквайр радушно встретил их
У своего двора.
Целуя их, сказал: «Клянусь,
Я рад тебе, сестра».
Обедню утром отстояв,
Накрыли шесть столов.
Хозяин молвил: «Гости, вам,
Обед уже готов.
Никто без гимнов не нальет
Вина себе в бокал».
Все стали петь, рукоплеща,
И замок задрожал.
Сыры, свинина, торт из слив
Лежали по столам.
«Все ваше, пейте веселей»—
Сказал Георг гостям.
Обед окончен. Духовник
Уже сказал: «Аминь».
Слугу хозяин подозвал:

«Вина, да дров подкинь.
Пускай Джон Маленький придет,
Нет юноши милей.
Всех лучше может веселить
Он шутками гостей»...
Едва Джон Маленький пришел,
Все танцовать бегут,
И лучшим из танцоров был,
Клянусь вам, Робин Гуд.
И был подобным танцам рад
Хозяин всей душой.
«Останься, Робин, — он сказал:
Зачем тебе домой?
Опора старости моей
Ты примешь лес и дом».
Гуд попросил: «Позволь, чтоб Джон
Служил моим пажом».
Эсквайр племяннику в ответ:
«Согласен я с тобой»:
«Иди сюда, — промолвил Гуд,—
Джон, паж веселый мой,
И принеси мой. длинный лук,
Да стрел побольше с ним,
Когда настанет ясный день,
Мы в Шервуд поспешим!».

В веселом Шервуде в свой рог
Трубить стал Робин Гуд,
И дважды по пяти стрелков
Предстали, тут как тут.
«Вас мало, — молвил Робин Гуд,
Нам нужно сорок три».
«Вон там они, — ответил Ло,
Под деревом смотри».
Пришла Клоринда, пастухов
Царица в тех местах,
В зеленом платье до колен,
В высоких сапогах.
Какая поступь у нее!

Как гибко клонит стан!
Могучий лук в ее руке
И полный стрел колчан.
Как волосы ее черны,
Как бледен цвет ланит!
Она спокойна и скромна
Пред Робинотом стоит.
«Куда вы?» — Робин Гуд спросил
Она ему в ответ:
«На праздник дичи я ищу,
Слежу олений след».
«Красавица, пойдете в лес,—
Промолвил Робин Гуд:
Оленей трех иль четырех
Стрелки подстерегут».
Оленей целые стада
Бегут в лесную сень,
Клоринда натянула лук
И пал один олень.
«Клянусь, — Гуд молвил, — не видал
Я женщины смелей,
Ты все сумела бы достать
Без помощи моей.
Но все-таки в зеленый лес,
Красавица, пойдем,
Чтоб пировать перед моим
Охотничьим столом».
Там грушевые пироги,
Оленина была,
И кроме Джона много слуг.
Теснилось у стола.
Клоринда спрашивает: «Как
Вас, добрый сэра, зовут?»
И слышит от него в ответ:
«Зовусь я Робин Гуд.
В веселом Шервуде живу,
Но был бы жребий мой
Еще приятней, если-б ты
Была моей женой».

Она зарделась и в ответ
Ему сказала: «Да».
«Пусть приведут, — воскликнул Гуд,
— Священника сюда».
«Нет, сэра, — ответила она,
— Меня на праздник ждут.
Не хочешь ли пойти со мной,
Веселый Робин Гуд».
«Джон Маленький, — воскликнул Гуд, —
Оленя мне! Стрелкам
Вели охотиться. С зарей
Сюда я буду сам».
Гуд не проехал пары миль,
Как дерзких семь стрелков
Оленя требуют назад
(Я клясться в том готов).
«На помощь, Джон, — воскликнул Гуд,
Не будем трусить их».
И, сабли выхватив, они
Свалили пятерых,
Взмолились двое остальных,
И жалостливый Джон
Просил их с миром отпустить
И пожалеть их жен.

Так было все близ Титбурей,
Под легкий звон струны,
Я — скрипачей король, и мне
Поверить вы должны.
Во время битвы я играл,
Клоринда пела им:
«Победа, Боб, на праздник мы
Танцуя поспешим».
Как много ехало людей
Навстречу нам верхом!
И мавританский танец был,
И шествие с быком.
И Томас, наш судебный клерк,
Влюбленный в Мэри, с ней

Скакал верхом и целовал
Волну ее кудрей.
Пируют Томас, Мэри, Нан,
И мне вина несут.
Да здравствует в своих лесах
С Клориндой Робин Гуд.
Сэр Роджерс, пастор, оказать
Услугу Гуду рад,
Он руки их соединил
И совершил обряд.

И Робин Гуд пошел с женой
По зарослям густым.
В веселом Шервуде щеглы
Про счастье пели им.
«А где стрелки?» — промолвил Гуд,
Когда был в роще он.
«В лесу, под деревом густым» —
Ему ответил Джон.
Стрелки гирлянду принесли,
Невеста вся в цветах,
И с Гудом отдыхать идет
С улыбкой на устах.
Пусть девушки поверят мне:
Я лишь под утро мог
Уйти домой, неся вино
И свадебный пирог.
Еще одно к моим словам
Добавить мне позволь:
Помолимся за короля.
Да здравствует король!
Чтоб были дети у него.
Добро творили нам,
Про Робин Гуда я спою
Тогда по всем лесам.

Перев. Всев. Рождественского.

Песнь вторая

С довольным сердцем рыцарь вновь
Покинул свой приют.
Шептал смотря на Бернисдель:
«Будь счастлив, Робин Гуд.
Благословен будь Бернисдель
И Мук и Скателок.
Клянусь, компании честней
Я повстречать не мог».
И добрый рыцарь молвил так:
«Джон Маленький, смотри,
Должны поспеть мы в монастырь
Марии до зари.
Четыре сотни золотых
Аббату должен я.
Когда до ночи не приду
Прости, земля моя!»

Свое аббатство обходя
Так говорил аббат^[3]:
«Четыре сотни задолжал
Мне рыцарь год назад.
Четыре сотни фунтов^[4] дал
Я под большой залог.
Знать, разоренным быть ему,—
Сегодня минет срок».
«Не кончен день, — сказал приор^[5]. —
Еще не поздний час.
Я сотню фунтов должен вам
И уплачу сейчас!»
«Ваш рыцарь за море уплыл,
Покинув здесь свой дом.
Там голод мучает его
И ночь студит дождем!»
«Его поместья право жаль
Теперь прибрать к рукам,—

Сказал приор, — и так его
Легко обидеть вам».
Аббат воскликнул: «вот моя
Седая борода...»
Брат-келарь, жирный и большой,
К ним подошел тогда.
Сказал монах: «Ей-Богу, он
Повешен иль убит.
Четыре сотни за него
Отдать нам предстоит».
Берутся смело за дела
И келарь, и аббат,
И на совет позвать судью
Верховного спешат.
Немало судей собралось,
И принялись рядить,
Чтоб за грехи да за долги
Беднягу засудить.
Немилосердно строг судья;
Аббат, он тоже строг.
Лишится рыцарь всех земель,
Когда не будет в срок.
«Он не придет, — сказал судья,
Я уверяю вас».

На горе рыцарь к воротам
Тут под'езжал как раз.
Дружине рыцарь говорит:
«Вы прежде, чем войти,
Оденьтесь и грубые плащи,
Вас гревшие в пути».
Те, грубые плащи надев,
Стучатся у ворот.
Стоит привратник там и всем
Поклоны отдает:
«Добро пожаловать, мой сэр.
Желанен ваш приход.
Вас ждет аббат, мой господин,
Среди других господ.

Великой клятвой вам клянусь,
Христом, моим Творцом.
Вот лучший конь, что до сих пор
Встречал я под седлом».
«Ведите в стойло лошадей
Пусть вволю поедят».
«Не нужно, Богом вам клянусь,
Что на кресте распят».

За трапезой сидели все,
Явился рыцарь в зал.
Склонив колена, он поклон
Всей братии отдал.
«Доволен будь. Я срок держу,—
Сказал он, — сэр аббат».
Но первым делом тот спросил:
«Принес ты долг назад?»
«Ни пенни, ^[6] — рыцарь отвечал,
— Клянусь моим Творцом!»
«Ну и должник! — сказал аббат,
Судья, еще нальем!
Ты денег не принес. Ко мне
Явился ты чего ж?»
«Ах, ради Бога, — тот сказал,
Отсрочьте мой платеж».
«Уж минул срок, — судья сказал,
Про дом свой позабудь».
И молвил рыцарь: «Ну, судья,
Ты мне защитой будь».
«Я сыт аббата добротой»,—
Сказал судья в ответ.
«Так будь мне другом ты, шериф».
«Нет, ради Бога, нет!»
«Так ты мне другом, будь, аббат
По доброте своей.
Пока я долга не верну.
Моей землей владей.
Твоим вассалом буду я

И преданным слугой.
Пока всего не уплачу,
Монетой золотой».
И поклялся монах Христом,
Что на кресте распят:
«Ищи, где хочешь. Я земли
Тебе не дам назад».
«Клянусь Создателем моим.
Возлюбленным Христом,
Какой бы ни было ценой
Я возвращу свой дом.
Пошли удачу, мне, Христос,
Что Девкою рожден.
Познает друга человек,
Когда в несчастье он».
Взглянул со злобой на него
Аббат и закричал:
«Ты хитрый рыцарь! Лгун и плут,
Оставь тотчас же зал!»
«Ты лжешь! Лгуном я не бывал
В монастыре твоём!—
Так добрый рыцарь отвечал: —
Клянусь Святым Творцом».

Тут добрый рыцарь встал и так
Аббату говорит:
«Колена рыцарю склонять
Учтивость не велит.
В турнирах я сражал врага
На копьях и мечах.
Был не трусливее других
В походах и боях».
«Уступит рыцарь. Уступи
И ты, — сказал судья.
Не то вам мира не видать —
Порукой честь моя».
«Я сотню дам» — сказал аббат.
«Дай двести золотых!»—
Судья прибавил. «Нет, земель

Вам не видать моих.
Хоть тысячу червонцев дай.
Не подберешься к ним.
Владеть монаху и судье
Не следует моим».
К столу он снова их подвел,
К столу вблизи стены.
Четыре сотни золотых
Отсыпал из мошны.
«Вот золото вам, сэр аббат,
Что ты мне одолжил.
Ты мною был бы награжден
Когда б учтивым был».
Сидел недвижно и не ел
Роскошных блюд аббат.
Поникла голова. Глаза,
Уставившись, глядят.
«Так золото мое, судья,
Мне возврати назад».
«Ни пенни. Господом клянусь,
Что на кресте распят!»
«Свой срок сдержал я, сэр аббат,
И ты, мой сэр, судья.
Чего б ни говорили вы,
Верну поместья я».
Тут добрый рыцарь из дверей
Идет, счастлив и рад.
Свой грубый плащ кидает там,
Берет цветной наряд.
И едет с песнями домой
(Так в людях слух идет).

А в Вирисделе ждет жена,
Встречает у ворот:
«Добро пожаловать, супруг.
Ты разорен до тла?»
«Молись за Робина, жена,
И будь же весела.
Пусть Робина хранит Господь,

Меня в беде он спас.
Не будь его, так все добро
Отняли бы у нас.
С аббатом столковались мы
Я деньги отдал в срок.
Мне их дорогой одолжил
Приветливый стрелок».

В поместьи славно рыцарь жил
(Когда молва верна).
Пока всего, что задолжал,
Не накопил сполна.
И сотню луков он припас,
О тетивах тугих,
И сотню связок крепких стрел,
Блестят концы на них.
По локтю каждая стрела
С серебряной резьбой
В павлиньих перьях. Тешат глаз
Стрелка они собой.
С оружием сотню молодцов
Он подобрал в стране.
Средь молодцов своих и сам
Поехал на коне.
Сам впереди с копьем в руке.
Коня ведет слуга.
Так едет с песнями отряд
В зеленые луга.
Но только в'ехали на мост,
Стоят изумлены.
Здесь, право, лучшие стрелки
Восточной стороны.
Придумано же тут забав!
Поставили быка,
Коня с седлом, горит узда
Вся в золоте, ярка.
Перчаток пару, да кольцо,
Бочонка два вина.
Награду, знаю тот возьмет,

Кто выпьет все до дна.
Нашелся среди них стрелок,
Всех доблестнее он,
Но здесь чужой и потому
Из круга исключен.
Но рыцарь пожалел его
И объявил тогда:
«Кто любит Гуда, пусть стрелку
Не делает вреда».
И к лесу рыцарь поспешил,
За ним валит народ,
И каждый по колчану стрел
И добрый лук несет.
Стрелку тут руку рыцарь дал,
раздались все вокруг.
«Бери награду, — молвил он,
Бери колчан и лук».
Пять марок он ему дает
За то, что пить силен.
Кто с ним сравнивается в питье,
Пусть будет награжден.
Пока не кончилась игра,
Остался рыцарь тут.
И до зари с ним пировал
Веселый Робин Гуд.

Перев. Адр. Пиотровского

Песнь третья

Почтеннейшие господа,
Я расскажу сейчас,
Как был Джон Маленький слугой.
И весел мой рассказ.

Сошлась однажды молодежь
С оружием на луг.
На состязание принес
Джон Маленький свой лук.
Три раза он спускал стрелу
И резал тонкий прут,
И, удивлен, смотрел шериф^[7],
Как метко стрелы бьют.
«Клянусь Христом, — сказал шериф, —
Что на кресте страдал,
Вот это — лучший из стрелков,
Какого я встречал.
Скажи мне, ловкий человек,
Как здесь тебя зовут,
В какой стране ты был рожден
И где живешь ты тут?»
«Хольдернес — родина моя,
Сказала мне родня,
Мои товарищи зовут
Рейнольд Гринлиф меня».
«Не хочешь ли, Рейнольд Гринлиф,
Остаться здесь, со мной
И стать за двадцать марок в год
Мне преданным слугой?»
«Не знаю, как мой господин, —
Ему ответил Джон.
Я рад служить тебе, когда
Меня отпустит он».
На целый год отпущен Джон
Служить с того же дня.

И сразу дал ему шериф
Хорошего коня.
Джон Маленький задумал сам
Слугой шерифа быть,
Хотя жестоко замышлял
Шерифу отомстить.
Но он сказал: «Самим Христом
Поклясться я могу,
Шериф во мне всегда найдет
Хорошего слугу!»
В четверг случилось, что шериф
Охотиться идет,
А Джон в постели был забыт,
Проспав его уход.
Без хлеба пропостился он
До половины дня.
«Когда ж, — сказал он, — эконоом,
Накормишь ты меня?
Сидеть все утро натощак
Охоты больше нет,
И я прошу тебя, позволь
Сейчас мне съесть обед».
«Пока не будет господин,
Тебе ни есть, ни пить».
«А я Спасителем клянусь
Твою башку разбить!»
Но эконоом не пожелал
Дослушивать речей,
На кладовую посмотрел
И запер дверь плотней.
И дал Джон Маленький ему
Такого тумака,
Что сразу вдвое перегнул
Седого старика.
Потом он вышиб дверь ногой,
Склонясь, вошел в чулан,
И сразу зля и вина
Он нацедил стакан.
«Не выпьете ль и вы со мной? —

Он старику сказал. —
Меня, живи он хоть сто лет,
Никто не забывал».
Джон Маленький за пятерых
В чулане пил и ел.
На кухне толстый повар жил,
Он крепок был и смел.
«Хорош слуга, который спит
До половины дня,
А после смеет говорить
Другим: «корми меня».
Три раза после этих слов
Ударил Джона он.
«Клянусь, удары по душе, —
Сказал веселый Джон. —
Ты настоящий человек
И в этом схож со мной.
Я не уйду, покуда сил
Не смерим мы с тобой».
Джон Маленький взял острый меч,
Такой же повар взял,
Они схватились, и никто
Врагу не уступал.
В бою миль пять они прошли,
Не отклоняя глаз,
Не оцарапан ни один,
А бьются целый час.
«Клянусь, — Джон Маленький сказал, —
Отныне ты мне друг,
Я не встречал еще в борьбе
Таких умелых рук.
Хороший был бы ты стрелок.
Мы славно заживем,
Когда в зеленые леса
Отправимся вдвоем.
Две сотни марок Робин Гуд
Тебе положит в год!»
«Довольно, — повар отвечал, —
С тобой твой друг идет!»

Была оленина тотчас
На пир принесена,
И много выпили они
Хорошего вина.
И собрались они потом
В леса, где Робин Гуд.
Казалось им, что в тот же день
До вечера дойдут.
Решили взять из кладовой
Приборов дорогих.
Как ни были прочны замки,
Они сломали их.
Забрали миски и блюда,
Все, что могли достать,
Монеты, чаши, серебро
Не позабыли взять.
В посуде, взятой ими, три
И триста фунтов вес,
И к Робину они снесли
Ее в зеленый лес.
«Привет вам, добрый господин,
Господь помилуй вас».
«Джон Маленький, привет тебе,
Пришел ты в добрый час!
Привет с товарищем стрелком,
Привет обоим вам!
Какие вести принесли,
Покинув Ноттингам?»
«Тебе слугу прислал шериф
Со своего двора,
Прислал привет и триста три
С ним фунтов серебра».
«Клянусь, — воскликнул Робин Гуд, —
Я троицей святой;
Не стал бы никогда шериф
Делить добра со мной».
Тогда Джон Маленький решил
Шерифа обмануть,
Пять миль он по лесу бежал,

Пока не кончил путь.
Шерифа в зарослях нашел
По рогу и борзым,
С учтивым словом преклонил
Колено перед ним:
«Пускай, мой добрый господин,
Господь тебя хранит».
«Рейнольд Гринлиф, — сказал шериф,
Откуда путь лежит?»
«Сегодня по лесу блуждал
Я в этой стороне.
Такие видел чудеса,
Что и не снилось мне:
Зеленый пробежал олень
По зарослям густым,
И семь оленей молодых
Бежали вместе с ним.
Такие у него рога,
Что страшно и взглянуть,
Я тетиву ему вослед
Боялся натянуть».
«Такую дичь, — сказал шериф, —
Я был бы рад найти!»
«Не поленитесь, господин,
Вослед за мной идти!»
Шериф верхом, но Джон готов
Пешком идти весь день.
Завидев Гуда, молвил Джон:
«Вот, господин, олень!»
Шериф надменный был мрачней
Бессолнечного дня:
«Будь проклят ты, Рейнольд Гринлиф,
Ты обманул меня».
«Клянусь, — Джон Маленький сказал, —
На вас лежит вина:
Я, вам служа, не получал
Ни хлеба, ни вина».
Был подан ужин. На столе
Блестело серебро,

Но отказался есть шериф,
Узнав свое добро.
«Попробуй, — молвил Робин Гуд, —
Оленину мою.
За то, что Джона ты любил,
Я жизнь тебе даю».
Когда насытились они
И день стал потухать,
С шерифа Робин Гуд велел
Насильно обувь снять.
И плащ короткий, и камзол
С каймою меховой,
И дал ему зеленый плащ
Укрыться в час ночной.
А после ловким молодцам
Под деревом густым
Стать вокруг шерифа приказал
И бодрствовать над ним.
Шериф надменный ночь провел
В рубашке и штанах,
Узнал и он, как спать в лесу
На камнях и корнях.
«Шериф, — промолвил Робин Гуд, —
Будь рад словам моим:
Ведь это я хотел, чтоб ты
Под дубом спал густым».
Сказал шериф: «Я не монах,
И пусть мне принесут
Веселой Англии добро —
Я не останусь тут».
А Робин Гуд в ответ: «Ты год
Со мною будешь жить,
Тебя, заносчивый шериф,
Решил я проучить!»
Шериф воскликнул: «Если мне
Здесь спать и эту ночь,
Пусть лучше голову мою
Мне снимут с тела прочь.
Когда жепустишь ты меня

Дорогою своей,
То самым верным буду я
Из всех твоих друзей».
«Ты клятву дашь, — промолвил Гуд, —
Здесь, над моим мечом,
И на земле мне не вредить,
И на пути морском.
А если бы моих людей
Тебе пришлось встречать
И днем и ночью, поклянись
Во всем им помогать».
И снова поклялся шериф.
Идя к семье своей,
Он долго позабыть не мог,
Как спал среди камней.

Перев. Всев. Рождественского

Песнь четвертая

Шериф доволен, что ушел
Из леса в Ноттингам,
С товарищами Робин Гуд
Гуляет по лесам.

«Пора обедать», — молвил Джон,
А Гуд в ответ: «Постой.
Святая Дева возвратить
Залог не хочет мой».
«Не беспокойтесь, господин.
Не догорит закат.
Как рыцарь, в этом я клянусь.
Свой долг вернет назад».
«Джон Маленький, — ответил Гуд, —
Иди, возьми свой лук.
Оставь меня. С тобой пойдут
И Скателок, и Мук.
На Ватлин-улицу, что в Сайлс,
Теперь ваш ляжет путь,
Быть может, и удастся нам
Найти кого-нибудь.
Веселый будет ли гонец,
Или бедняк простой —
Хочу, чтоб этот человек
Делил добро со мной».

Джон Маленький, сердясь, грустя.
Пустился в путь из чащ,
Он опоясался мечом,
Надел зеленый плащ.
В дороге путника найти
Из них никто не мог.
Как ни смотрели все втроем
На Запад, на Восток.
Вдруг на дороге в Бернисдель

Остановился взор.
Монахи ехали по ней
Верхом во весь опор.
Джон Маленький друзьям сказал:
«Я голову отдам,
Когда монахи не везут
Всего, что нужно нам.
Товарищи, к чему печаль,
Когда душа грустна?
Пусть будет на готово лук
И тетива верна.
Полсотню слуг ведут они,
Семь вьючных лошадей.
Один епископ ездит так
Со свитого своей.
Мы приведем их всех, пускай
Здесь только трое нас,
Не то на Робина поднять
Мы не посмеем глаз.
Сильнее гните лук, они
Уже невдалеке.
Передний мой. Я жизнь его
Держу в своей руке!»
И Джон воскликнул: «Стой, монах!
Вперед дороги нет.
Коль двинешься, клянусь Христом,
Найдешь стрелу в ответ.
Как видно, голова твоя
Под шляпою пуста.
Прогневался наш господин
От долгого поста».
«Кто господин?» — спросил монах.
Джон молвил: «Робин Гуд».
«Его давно, — монах в ответ,
Разбойником зовут».
«Ты лжешь, — ему ответил Джон,
И пожалеешь сам.
Стрелок лесной он и тебя
Зовет обедать к нам».

Мук на готове лук держал,
Спустил он тетиву,
И был стрелой с коня монах
Повержен на траву.
Осталось из полсотни слуг
Лишь двое, чтоб вести
За Джоном вьючных лошадей
По дикому пути.

Монаха к Гуду привели,
Хоть упирался он.
Ворчал сквозь зубы, но идти
Был силой принужден.
Свою приподнял шляпу Гуд,
Увидев пришлеца,
Но не был вежливым монах
И не склонил лица.
«Ведь он невежа, господин,
Клянусь!» — воскликнул Джон.
А Гуд в ответ: «Что взять с него,
Когда невежа он?»
Потом спросил он: «Сколько слуг
С собою вел монах?»
«С полсотни! Только, кроме двух,
Все спрятались в кустах».
«Трубите в рог, — воскликнул Гуд,
Зовите всех стрелков».
И скоро семеро идут
Нарядных молодцов;
И каждый был в хороший плащ,
Пурпурный плащ одет.
«По зову Гуда мы пришли.
Что скажет он в ответ?»
Скамья для гостя ко столу
Подвинута была.
Джон Маленький и Робин Гуд
Служили у стола.
«Смелей, монах, — промолвил Гуд, —
Бери и яств, и вин.

Скажи мне, где твой монастырь
И кто твой господин?»
«Аббатство Девы я зову
Своим монастырем».
«А кем ты служишь?» — Гуд спросил.
«Я — главный эконом».
«Тем больше чести, — Гуд сказал, —
Мне и друзьям моим.
Налейте лучшего вина,
Мы выпьем вместе с ним!
Дивлюсь я только одному:
Весь день душа грустна,
Чем Матерь Бога я гневил,
Что долг не шлет она?
Она посредницей была
Меж рыцарем и мной,
Когда я деньги в долг давал
Здесь под листвой густой.
И если деньги ты принес,
То дай на них взглянуть.
Тебе я тоже помогу
Потом когда-нибудь».
Все это выслушав, монах
Унылый поднял взор:
«Клянусь, о займе никогда
Не знал я до сих пор».
«Клянусь, — промолвил Робин Гуд, —
Монах, твоя вина!
Коли справедлив всегда Господь
Правдива и Она.
Ото всего, что ты сказал,
Отречься не посмей,
Пречистой Девы ты слуга,
Всегда ты предан Ей.
Пречистой Девой послан ты
Вернуть мои гроши.
Ты в срок пришел: Благодарю
Тебя от всей души!»
«Скажи мне, — он потом спросил,

Что в этих сундуках?»
«Сэр, только двадцать марок здесь», —
Ему в ответ монах.
«Когда не больше двадцати,
Ни пенни не возьму,
И денег сам прибавить рад
К добру я твоему.
А если больше двадцати,
Прощай добро твое.
Но не печалься: кое-что,
Оставлю на житье.
Считай, Джон Маленький. Тебе
Я верю одному,
Коль двадцать марок здесь найдешь
Ни пенни не возьму».
Джон быстро плащ свой расстелил
Среди лесных цветов
И восемь сотен фунтов он
Повытряс из тюков.
Пошел он к Гуду, серебро
Оставив в стороне.
«Монах не лжет, и Дева вам
Вернула долг вдвойне».
И Гуд сказал: «Своим словам
Пречистая верна.
Из женщин, что я в жизни знал,
Правдивей всех Она.
Когда б всю Англию пройти
Я мог, клянусь Творцом,
То и тогда бы не был так
Доволен должником.
Монах, налей себе вина,
Со мной за Деву пей
Коль Деве нужен Робин Гуд,
Он будет другом Ей.
Коль нету денег у Нее.
Приди, монах, ко мне,
Залог, что шлет с тобой Она
Гуд возвратит втройне».

Дорогой Лондонской монах
Опять готов идти,
У Робин Гуда просит он
Охрану для пути.
А Робин Гуд: «Куда идешь?»—
Его спросил тогда.
«Туда, где не сумеешь ты
Мне причинить вреда».
«Джон Маленький, — промолвил Гуд. —
Иди сюда опять,
Ты кладь монаха лучше всех
Сумеешь развязать.
Узнай всю правду до конца
Раскрой сундук другой».
«Вы плохо, — закричал монах, —
Обходитесь со мной!»
«Таков у нас, — ответил Гуд, —
Закон в краю лесном:
Сначала путника кормить,
Связать и бить потом».
Монах поспешно взял коня.
Не хочет отдохнуть.
«Не выпьешь ли, — промолвил Гуд, —
Вина на долгий путь?»
«Еще раз пить, — сказал монах, —
С тобой не дай мне Бог,
В Данкстере или в Блейтсе я
Обедать лучше мог».
«Свези, монах, монастырю
От Робина привет.
Таким, как ты, всегда готов
В моих лесах обед».

Я все, что надо рассказал,
Монах покинет нас.
О прежнем рыцаре теперь
Я поведам рассказ.
Он путь держал на Бернисдель

И видит: перед ним
С товарищами Робин Гуд
Под деревом густым.
Учтиво рыцарь соскочил
Со своего коня.
И шляпу сдернул с головы,
Колено преклоня.
«Пусть Гуда и его стрелков
Спаситель бережет».
«Спасибо, рыцарь, — Робин Гуд
Ответил в свой черед:
Добро пожаловать. Ты гость
Любезный мне всегда.
Какая в темные леса
Тебя влечет беда?
Мой кроткий рыцарь, гостем будь.
Что ты не шел назад?»
Ответил рыцарь: «У меня
Все земли взял аббат!»
«Но ты вернул их», — молвил Гуд.
«Клянусь Христом, помог
Вернуть их, — рыцарь отвечал, —
Один лишь ты, да Бог.
И потому я опоздал.—
Что встретил на пути
Стрелка, которого хотел
Я из беды спасти».
«Благодарю, — воскликнул Гуд, —
Клянусь Христом самим
За это другом звать тебя
Хотел бы я своим».
«Четыре сотни фунтов, Гуд,
Сейчас я оточту
И двадцать марок сверх того
За эту доброту».
«Оставь уплату у себя,
Нужней тебе она.
Пречистой Девы эконоом
Мне уплатил сполна.

И эти деньги дважды взять
Считал бы я грехом.
Желанным гостем будешь ты
Теперь в лесу моем».
Так говоря, от всей души
Смеялся Робин Гуд.
А рыцарь Робина просил:
«Возьми: все деньги тут»,
«К чему они, — ответил Гуд, —
О, щедрый рыцарь мой.
Добро пожаловать сюда,
Под этот дуб густой.
Но что за стрелы и колчан,
Горящий словно жар?»
И рыцарь молвил: «Робин Гуд,
Прими мой скромный дар».
«Джон Маленький, — воскликнул Гуд, —
Иди к моей казне.
Червонцев добрых дал монах
Четыре сотни мне.
Четыре сотни — скромный дар.
Ты должен, рыцарь, взять.
Купи коня, и шпоры ты
Позолоти опять.
И смело к Робину иди,
Как проживешь добро.
Клянусь, я помогу тебе,
Коль будет серебро
Четыре сотни сохрани,
Совет припомни мой.
И доводить себя не смей
До бедности такой».

Так добрый Гуд освободил
Его от всех забот.
Да будет милостив к нам Бог,
Что на небе живет.

Перев. Всев. Рождественского.

Песнь пятая

Простился рыцарь, поскакал
Дорогою своей,
И веселится Робин Гуд
С друзьями много дней.

Я расскажу вам, как шериф
Стрелкам в густом бору
Из Ноттингама кликнул клич.
На славную игру
Пускай все лучшие стрелки
К нему сойдутся в срок.
И победит других один,
Кто лучше всех, стрелок;
Кто попадает лучше всех.
Стреляя вдаль и ввысь.
Там, где зеленые дубы
Широко разрослись;
В награду он возьмет стрелу
Литого серебра,
Где золотое острие
И гребень у пера.
Услышал это Робин Гуд
Под деревом густым:
«Друзья, на славную игру
К шерифу поспешим.
Живее собирайтесь в путь,
Мы все стрелять пойдем.
Нас хорошо встречать шериф
Клялся в лесу густом».
И туго натянули лук
С убором дорогим
Сто сорок молодых стрелков,
Стоящих перед ним.

Когда стрелять они пришли

К мишеням в Ноттингам,
Не мало с луками стрелков
Уже стояло там.
«Стреляют шестеро со мной.
Другие в свой черед
Пусть наготове держат лук,
Коль нас измена ждет».
Воскликнув это, лук согнул
Четвертым Робин Гуд.
С мишенью рядом стал шериф
Смотреть, как стрелы бьют.
Три раза Робин Гуд стрелял,
Три раза прут дробил,
И с белою рукой Джильберт
Таким же ловким был.
Джон Маленький и Скателок —
Хорошие стрелки,
Рейнольд и Мук не хуже их
По верности руки.
И все стреляют хорошо.
Все стрелы метко бьют.
Но попадает лучше всех
Веселый Робин Гуд.
За это был он награжден
Серебряной стрелой.
Учтиво он благодарил
И в лес пошел домой.
Кидали брань ему во след,
В большой трубили рог.

«Предатель, — крикнул Гуд, — постой
И твой настанет срок.
Ты будешь знать, шериф-гордец,
Как мстить гостям своим.
Другое ты мне обещал
Под деревом густым.
Когда б ты был в моем лесу
Под дубом для бесед,
Ты дал бы лучший мне залог.

Чем верный твой обет».
Не раз гудела тетива,
И много пело стрел,
И не один в лохмотьях бок
От схватки потерпел.
Но все ж верней, чем Робин Гуд,
Стрелять никто не мог:
Шерифа люди от него
Со всех бежали ног.
Покончив дело, Робин Гуд
В леса уйти хотел.
Не мало было в этот час
Им выпущено стрел.

Джон Маленький в колено был
Стрелою поражен,
Не мог ни ехать, ни идти
От острой боли он.
И Джон промолвил: «Господин,
Коль ты любил меня,
То ради Господа Христа,
Что мучился три дня,
В награду этих дней, когда
Я был слугой твоим,—
Шерифу гордому не дай
Найти меня живым.
Но голову руби мою.
Схватив свой честный меч.
Хочу я от глубоких ран
Скорее мертвым лечь».
«Я не хочу, чтоб умер ты,—
Воскликнул Робин Гуд, —
Пусть всю английскую казну
За это мне дают».
«Клянусь Христом, — добавил Мук, —
Распятым в страшный час.
Джон Маленький, клянусь тебе,
Ты не покинешь нас».
Понес он Джона на спине.

И много раз в траву
Он клал его, как натянуть
Случалось тетиву.

Прекрасный замок на пути
Стоял в тени лесной,
Двойным был рвом он окружен,
Высокою стеной.
И жил там сэр Ричард из Ли,
Тот рыцарь, для кого
Гуд как-то деньги отсчитал
У дуба своего.
К себе он в замок Гуда взял
И всех его стрелков.
«Войди, — сказал он, — Робин Гуд,
Под мой уютный кров!
Тебя за все благодарю
Будь гостем, Гуд, моим
За то, что был со мной учтив
Под деревом густым,
Я всей душой тебя люблю.
Шериф задумал мечь,
Пускай он рыщет: у тебя
Приют надежный есть.
Скорее поднимите мост.
Закройте ворота,
И все с оружием в руках
Идите на места!
Со мной ты будешь жить, клянусь
Святым Квентином я,
Двенадцать дней убережет
Тебя стена моя».
Покрыты скатертью, с едой
Уже столы несут,
И со стрелками пировать
Садится Робин Гуд.

Перев. Всев. Рождественского.

Песнь шестая

Я попрошу вас, господа,
Внять повести моей.
Из Ноттингама вел шериф
С оружием людей.
Всех приказал поднять шериф
На бой в краю родном.
Твердыни замка облегли
Они сплошным кольцом.
«Ты, рыцарь, клятву позабыл, —
Кричит гордец-шериф:
— Ты изменяешь королю,
Врага закона скрыв!»
Шерифу рыцарь отвечал:
«Сэр, то моя вина,
Но королю, я в том клянусь,
Душа моя верна.
Что можешь сделать ты со мной?
Взять замок мой? — Изволь,
Но прежде, должен ты узнать,
Что скажет наш король».

Так получил шериф ответ
Правдивый и простой,
И в город Лондон поскакал
Дорогою прямой.
О рыцаре, о Гуде, он
Поведал королю,
Потом о дерзостных стрелках
В его лесном краю,
«Всегда, — сказал он, — я держу
Разбойников в руках,
Но непокорен Робин Гуд
На севере в лесах».
«В недельный срок — сказал король, —
Я буду в Ноттингам.

И рыцаря тогда схвачу,
И Робин Гуда там.
Иди, шериф. И мой приказ
Исполнить будь готов:
Себе отважных набери
Со всей страны стрелков».

Шериф простился, поскакал
Дорогою своей,
А Робин Гуд ушел в леса
В один из ясных дней.
У Джона рана зажила.
Он снова невредим,
И Робин Гуда ищет он
Под деревом густым.
А Гуд среди зеленых чащ,
Опять гуляет он.
Его прогулкою шериф
Не мало огорчен.
Он Робин Гуда упустил
И не вернет опять,
И стал он рыцаря тогда
И днем, и ночью ждать
Шериф хотел бы подстеречь
Сэр Ричарда из Ли.
Раз на охоте сокола
Поднялись от земли,
И рыцаря он увидал,
И рыцарь связан был,
В темницу, в Ноттингам сведен
Почти лишенный сил.
Что будет пойман Робин Гуд,
Христом клялся шериф.
И тотчас бился об заклад,
Сто фунтов положив.
Но лэди, рыцаря жена,
Прекрасней бела дня,
Скорей в зеленые леса
Направила коня.

Проехав лес, она нашла
Под деревом густым
И Робин Гуда, и стрелков,
Всегда веселых, с ним.
«Привет, — она сказала, — Гуд,
Тебе в твоей стране!
Святую Деву любишь ты,
И ты поможешь мне.
Не допусти, чтоб мой супруг
Позорно был убит,
Из-за любви к тебе, в тюрьме,
Он связанный лежит».
И добрый Робин Гуд спросил:
«Кто свел его в тюрьму?»
И лэди тотчас же: «Шериф, —
Ответила ему, —
Всему виной шериф; и лжи
В рассказе нет моем.
Еще трех миль он не успел
Пройти своим путем».
Воспрянул добрый Робин Гуд,
К себе стрелков зовет:
«Смелей, веселые друзья,
Клянусь Христом, вперед!
А кто покинет нас, клянусь
И Богом, и Христом,
Пусть не встречается со мной
Он на пути моем».
Наделали из прутьев стрел —
Семь раз по двадцати —
Кусты, заборы и плетни
Ломали на пути.
«Я рыцаря, — воскликнул Гуд, —
Хотел бы повидать;
Клянусь Христом, свободным он
Домой пойдет опять».

Как в Ноттингам они пришли,
По улицам пустым,

С шерифом гордым, знаю я,
Пришлось столкнуться им.
«Постой, шериф, — воскликнул Гуд, —
Поговори со мной.
Что думает, хочу я знать.
Король, властитель мой?
Так много в эти восемь лет
Я не ходил пешком,
За это мне ответишь ты,
Клянусь самим Творцом».
И, натянув упругий лук,
Гуд тетиву спустил,
Стрела запела, и шериф
На землю пал без сил
И прежде, чем подняться мог
Шериф на бой с врагом,
Его ударил в темя Гуд
Сверкающим мечом.
И Гуд воскликнул: «Поделом!
Лежи, гордец-шериф,
Ты слова не умел держать,
Пока еще был жив».
Стрелки схватились за мечи.
Был каждый тверд и смел,
Из слуг шерифа в этот час
Никто не уцелел.
И Робин к рыцарю пошел
И снял оковы с рук.
И для защиты дал ему
Тугой надежный лук.
«Оставь коня, — промолвил Гуд, —
И бегать научись.
Сквозь дождь и грязь пойдем туда,
Где липы разрослись.
Идем в леса и будем жить
Без горя и забот
Пока наш Эдуард король
Прощенья не пришлет».

Перев. Всев. Рождественского

Песнь седьмая

С блестящей свитою король
Поехал в Ноттингам,
Он думал рыцаря поймать
И Робин Гуда там.
У местных жителей узнать
О Гуде он хотел,
Хотел о рыцаре спросить,
Что был и добр, и смел.
Все рассказали королю,
И, выслушав рассказ.
Владенья рыцаря король
Забрал себе тотчас.
Прошел скалистый Ланкашир
До Пламптон-парка он;
Везде отсутствием в лесах
Оленей изумлен
Где прежде целые стала
Лесную знали тень,
Теперь им встречен лишь один
Породистый олень.
И вот разгневался король
И поклялся Творцом:
«Пускай предстанет Робин Гуд
Перед моим лицом.
Тому, кто рыцаря в лесах
Поймать сумеет сам,
Поля сэра Ричарда из Ли
В награду я отдам.
И хартию я дам свою,
И приложу печать,
Чтоб в целой Англии никто
Не мог полей отнять».
Но старый рыцарь отвечал
На это королю:
«Мой государь, теперь меня

Я выслушать молю.
Не может хартии никто
Принять из Ваших рук,
Пока здесь ходит Робин Гуд
И держит верный лук.
Ему ли голову терять,
Коль не пришла пора,
Нет, Ваша хартия, король,
Не принесет добра».

Шесть месяцев не покидал
Король наш Ноттингам,
Но Гуда повстречать ему
Не удавалось там.
А в это время Робин Гуд
Бродил среди долин,
И королевский был олень
Убит им не один.
Лесничий королю сказал:
«Коль надо Гуда Вам,
Тогда к моим, я Вас прошу,
Прислушайтесь словам.
Пять лучших рыцарей, каким
Еще неведом страх,
Возьмите и в монастыре
Оденьтесь, как монах.
Я всю дорогу Вам готов
Служить проводником.
И раньше, чем вернетесь Вы,
Клянусь самим Христом,
Коль Робин жив, пред Вами сам
Он станет на пути.
Гораздо раньше, чем назад
Удастся Вам придти».
Оделся, как монах, король,
Оделись так же с ним
Пять рыцарей, и все путем
Направились лесные.
Высок и строен наш король;

Надвинув капюшон,
Надменным обликом похож
Был на аббата он.
В высоких крепких сапогах
Скача в лесную ширь,
С веселой песнею король
Оставил монастырь.
Пять рыцарей в зеленый лес
Скакали вслед за ним,
И осадил король коня,
Под деревом густым.
Он Робин Гуда увидел
И всех его стрелков,
И в том, что это было так,
Поклясться я готов.
Вот королевского коня
Хватая за узду,
Воскликнул Робин: «Стой, аббат,
Тебя давно я жду.
Мы — королевские стрелки
В его лесу густом.
Мы бьем оленей короля
И этим мы живем.
У Вас и церкви и доход,
И золота не счесть,
Отдайте ж нам хоть что-нибудь,
Когда в вас совесть есть».
И отвечал ему король,
Учтивый и простой:
«Здесь только сорок фунтов есть,
Что я привез с собой.
Я в Ноттингаме десять дней
Жил с вашим королем,
Поиздержаться мне пришлось
Добром и серебром.
И только сорок фунтов я
На черный день сберег,
Я б сотню фунтов дал тебе,
Когда бы только мог».

Взял сорок фунтов Робин Гуд,
Пересчитал их сам
И половину отделил
Веселым молодцам.
«А остальное, — Гуд сказал,
— Я все тебе дарю.
До новой встречи». И король
В ответ: «Благодарю,
Тебе король прислал привет,
А с ним свою печать,
И в Ноттингаме будет он
Тебя к обеду ждать».
И поднял перед ним король
Печать рукой своей,
Учтиво Робин преклонил
Колена перед ней.
Он молвил: «Короля любить
Всегда велит мне честь,
Благодарю тебя, аббат,
За радостную весть.
За эту весть сегодня ты
Обедаешь со мной,
Я угощу тебя, аббат,
Под липою густой».
Гуд за руку взял короля,
Повел его вперед.
Оленей много полегло,
Большой обед их ждет.
И Робин Гуд стал громко в рог
Трубить. На этот зов
Пред ним явились в тот же миг
Сто сорок молодцов.
И вот, колена преклонив,
Все стали перед ним,
Король воскликнул: «Вижу я,
Клянусь Христом самим,
Живет не плохо Робин Гуд,
В лесистой стороне;
Покорнее ему стрелки,

Чем подданные мне».
И быстро был обед готов,
И перед королем
Джон Маленький и Робин Гуд
Служили за столом.
Лесная дичь и много яств
На стол принесено,
И белый хлеб, и темный эль^[8],
И красное вино.
«Прошу отведай, — молвил Гуд, —
Оленины, аббат.
Да будешь ты благословен,
Я доброй вести рад.
Чтоб королю, аббат, ты мог
Все рассказать потом».
Вскочили весело стрелки
Сгибая верный лук
И короля при виде их
Вдруг охватил испуг.
Напрасен ужас короля,
Стрелки от двух столбов
Для состязанья отошли
На пятьдесят шагов
«Кто не собьет гирлянды роз, —
Гуд молвил, — рад, не рад,
А должен будет он отдать
Охотничий наряд.
И все оружие его
Мне отойти должно
Все это верно, как и то,
Что пью сейчас вино.
По непокорной голове
Его удары ждут».
Так самолюбие стрелков
Разжечь старался Гуд.
Два раза выстрелил он сам,
Два раза в цель попал,
Но Белорукий от него

Джилберт не отставал.
Потом Джон Маленький стрелял
И добрый Скателок
Но оба не попали в цель,
И был к ним Робин строг
Когда же стал в последний раз
Стрелять он по цветам,
То на три пальца с небольшим
Он промахнулся сам.
И так сказал тогда Джилберт:
«Коль клялся пред людьми
Ты промахи стрелков карать,
Так сам удар прими».
Ответил Робин: «Слов своих
Я не беру назад.
Передаю тебе стрелу,
Служи мне, сэра аббат».
«Я сделаю, как хочешь ты,—
Сказал король тогда, —
Но сам бы доброму стрелку
Не причинял вреда».
«Смелее бей, — ответил Гуд, —
Аббат, и будешь прав».
Тут подошел к нему король
И засучил рукав.
Потом на землю тумаком
Он Робина подсек,
«Клянусь Христом, — воскликнул Гуд, —
Ты крепкий человек.
Сильна, должно быть, у тебя
Рука и верен глаз».
Так наш король и Робин Гуд
Встречались в этот раз.

Аббату посмотрев в лицо.
Пред королем своим
Пал на колени Робин Гуд
И рыцарь вместе с ним
Разбойники склонились все

И Гуд сказал опять:
«Властитель Англии, Тебя
Нетрудно мне узнать.
Благодарю тебя, король,
Под деревом густым
За доброту Твою ко мне,
Ко всем стрелкам моим.
Присяге я не изменил,
Поклясться в том готов,
И милости Твоей прошу
Для всех моих стрелков».
«Простил бы я, — сказал король, —
Тому свидетель Бог,
Когда б покинуть этот лес
Ты со стрелками мог.
Идите к моему двору.
Ты будешь жить со мной».
«Свидетель Бог, — воскликнул Гуд, —
Согласен всей душой.
Я был бы рад Тебе служить
От утренней зари,
Я приведу моих людей
Сто сорок их и три.
Но даже если по душе
Придется мне Твой двор.
Вернусь охотиться в леса,
Как делал до сих пор».

Перев. Всеv. Рождественского

Робин Гуд выручает Виля Статли

Жил Робин Гуд в густом лесу,
Где зелена листва,
Когда однажды услышал
Тревожные слова.

О том, что пойман и в тюрьме
Виль Статли заключен.
Тремя подкупленными был
Шерифу предан он.

Его повесят на заре,
Ему и дня не жить.
Но двух предателей успел
Он вовремя убить.

Услышав горестную весть,
Печален Робин Гуд.
К нему веселые стрелки
На зов его идут.

Все поклялись, что лес родной
Увидит Виль опять.
И многим доблестным стрелкам
В бою несдобровать.

На Гуде — красный, на стрелках —
Зеленые плащи,
Другой подобной красоты
Попробуй поищи!

С какою легкостью в поход
Поднялся стройный стан.
У каждого широкий меч
И полный стрел колчан.

Выходят храбро из лесов
В сверкающей красе —
Иль Статли приведут домой,
Иль грудью лягут все.

Вот к замку подошли они,
Где Статли стерегут.
«В засаду нужно скрыться нам, —
Промолвил Робин Гуд.

— Мы одного кого-нибудь
Отправим к воротам,
Он пилигрима расспросить
О Статли может там».

И вышел молодой храбрец
На зов его вперед,
И пилигриму он сказал
У замковых ворот:

«Когда, скажи мне, будет здесь
Безжалостно казнен
Виль Статли, Робина стрелок,
И здесь ли спрятан он?»

«Увы, — ответил пилигрим,
Поникнув головой,
— Висеть сегодня будет Виль
На виселице той.

Но если б знал об этом Гуд,
Послал бы он стрелков
И Статли, верно бы, увел
Отсюда в глубь лесов».

«Вот это правда, — отвечал
Стрелок: — Когда бы Гуд
Был близко, вырван был бы Виль
Из этих тяжких пут.

Благодарю тебя, старик,
Ступай путем своим,
И если будет Виль казнен,
Мы славно отомстим».

Окончив свой допрос, стрелок
Идет назад. И вот
Виль Статли, стражей окружен,
Выходит из ворот.

Напрасно помощи ища,
Он посмотрел кругом.
И так шерифу он сказал
С недрогнувшим лицом:

«Теперь я знаю, что умру,
Так сделай милость мне
(Никто у Гуда не бывал
Повешен на сосне) —

Позволь на всех твоих людей,
Шериф, поднять мне меч.
Как воин в правой битве, я
Хотел бы мертвым лечь».

Не вняв его мольбам, шериф
Поставил на своем:
Повешен будет добрый Виль,
А не убит мечом.

«Так развяжите руки мне, —
Виль говорит, — а там
Удастся ли, я посмотрю,
Меня повесить вам».

«Ты в петле, — отвечал шериф,
— Жизнь кончить осужден.
И так же кончит Робин Гуд,

Коль попадется он».

«О, низкий трус, — воскликнул Виль,
— Мужик, холоп простой!
За все обиды Робин Гуд
Расплатится с тобой.

Мой благородный господин
Презренье шлет тебе.
Шерифу ли с его людьми
Сломить его в борьбе?»

Виль к виселице подошел,
Прощаться был готов,
Как сам Джон Маленький к нему
Вдруг вышел из кустов.

«Хочу с тобой проститься, Виль,
Пока еще ты жив,
Нам время дорого, идем.
Что скажешь ты, шериф?»

Шериф ответил: «Провести
Меня надумал ты,
Но сам ты тоже не уйдешь
К себе назад, в кусты».

Узлы у Виля на руках
Джон поспешил рассечь.
У одного из сторожей
Из рук он вырвал меч.

«Возьми мой меч скорее, Виль,
И защищайся сам.
Стрелки и добрый Робин Гуд
Идут на помощь к нам».

И оба, став плечом к плечу,
Людей шерифа бьют,

Пока бежит через кусты
С товарищами Гуд.

Пропела первая стрела,
Что Робин Гуд пустил,
Шериф своим кричит: «Скорей,
Рубите что есть сил».

Но молодцы не стали ждать,
Когда настанет срок, —
От Робин Гуда и стрелков
Пустились наутек.

Виль Статли закричал им: «Стой!
Проститься вы должны.
Вам больше Гуда не встречать
В лесах родной страны».

Гуд крикнул вслед им: «Горе вам,
Куда вас гонит страх?
Спокойно может отдыхать
Мой меч в своих ножнах».

«Не думал я, — промолвил Виль,
— Что из лесных долин
Джон Маленький сюда придет
И ты, мой господин.

Теперь опять свободен я,
Враги мои бегут,
За все благодарю тебя,
Веселый Робин Гуд.

В зеленых зарослях, друзья,
Опять натянем лук.
Пускай трепещет тетива —
Нам сладок этот звук».

Перев. Всев. Рождественского

Посещение Робин Гудом Ноттингама

Был мальчик Робин Гуд высок.
Дерри, дерри даун.
Уже в пятнадцать лет
Из тех веселых молодцов,
Смелей которых нет.
Хей, даун, дерри, дерри даун.

Собрался раз он в Ноттингам,
Идет в лесу, и вот
Пред ним пятнадцать лесников
Пьют пиво, эль и мед.

«Что нового?» — спросил их Гуд.
«Что знал ты до сих пор?
Король устроил спор стрелков».
«Пойду и я на спор».

«Смешно, — сказали лесники,
— Такой мальчишка вдруг
Пойдет стрелять пред королем,
Взять не умея лук!»

«На двадцать марок, — Робин Гуд
Ответил, — спорь со мной,
И на сто сажень попаду
В оленя я стрелой».

«Идет, — сказали лесники,
— И спорим мы с тобой,
Что на сто сажень не попасть
Тебе в него стрелой».

И поднял Робин честный лук
С широкою стрелой
И на сто сажень уложил

Оленя в тьме лесной.

Сломал ему он два ребра,
А может быть, и три,
Стрела пронзила грудь насквозь,
И не застряв внутри.

Олень вскочил, олень застыл,
Олень упал в кусты.
«Я выиграл, — воскликнул Гуд,
— Платите мне фунты».

«Ну, нет, — сказали лесники,
— Твой выигрыш пропал,
Бери свой лук и уходи,
Пока не опоздал».

И Робин стрелы взял свои,
И взял свой честный лук,
И улыбнулся про себя,
Войдя в широкий луг.

Вот стал он стрелы приставлять
К звенящей тетиве,
И из пятнадцати врагов
Четырнадцать — в траве.

Тот, кто затеял этот спор.
Собрался убежать,
Но Робин Гуд, подняв свой лук,
Вернул его опять

И молвил: «Вновь не скажешь ты,
Что я стрелок плохой!»
И голову ему разбил
Он надвое стрелой.

«Такой стрелок я, — молвил Гуд,
— Что сделал ваших вдов

Мечтающими, чтобы вы
Тех не сказали слов».

Народ бежит, оставив свой
Прекрасный Ноттингам,
Чтоб Робин Гуда захватить,
На помощь лесникам.

Один остался без руки,
И без ноги другой,
А Робин, взяв свой лук, ушел
В зеленый лес густой.

А ноттингамцы лесников,
Как знают все о том,
Могилы вырыв, погребли
На кладбище потом.

Перев. Н. Гумилева.

Робин Гуд и Гай Гисборн

Когда леса блестят в росе
И длинен каждый лист,
Так весело бродить в лесу
И слушать птичий свист!

Щебечет дрозд, найдя себе
Среди ветвей приют,
Так громко, что в своем лесу
Проснулся Робин Гуд.

«Клянусь, — он весело сказал,
— Мне снился славный бой;
Мне снились сильных два стрелка,
Дерущихся со мной.

Они осилили меня
И отняли мой лук.
Не будь я Робин здесь в лесу,
Коль пощажу их двух».

Джон Маленький сказал на то:
«Как быстрый ветер — сон;
Как ветер, что сегодня дул,
А завтра, где же он?»

«Скорей, веселые друзья,
Будь, Джон, и ты готов;
Иду в зеленые леса
Искать моих стрелков».

Оделись, не забыл никто
Колчан и стрелы взять,
И прочь, в зеленые леса,
Отправились стрелять.

Пришли они в зеленый лес,
На старый их лужок
И увидали, что стоит
Под деревом стрелок.

Кинжал и меч он на боку
Потрагивал своим.
Был в шкуру конскую одет
И с гривой и с хвостом.

И Джон промолвил: «Господин,
Под деревом постой,
А я один пойду к стрелку
Узнать, кто он такой».

«Ты, Джон, совсем не кладом стал,
И грусть меня берет,
Как часто, отставая сам,
Я шлю людей вперед.

Плута не хитрость узнавать,
Беседуя с плутом.
И если б мой не треснул лук,
Покаялся б ты в том».

Решили так и разошлись
И Робин Гуд, и Джон.
Джон в Бернисдель пошел, куда
Все тропы знает он.

Когда ж пришел он в Бернисдель,
Был вздох его тяжел,
Он двух товарищей своих
Убитыми нашел.

А Скарлет убегал пешком
Среди камней и пней,
Его преследовал шериф
Со стражею своей.

«Пущу стрелу я, — молвил Джон, —
Христос дает мне знак,
Шерифа я остановлю,
Чтоб не спешил он так».

И тотчас наложил стрелу
На лук свой длинный Джон,
Но был из тонкой ветки лук,
Переломился он.

«Зачем, зачем ты, злая ветвь,
На дереве росла?
Ты мне не помощь принесла,
А столько, столько зла».

Но выстрел, хоть случайным был,
Все ж даром не пропал,
Среди шерифовых людей
Вильям из Трента пал.

О, лучше б дома был Вильям,
Печалью удручен,
Чем в это утро повстречать
Стрелу, что бросил Джон.

Но уверяют, что в бою
Пять стоит больше трех.
Джон Маленький шерифом взят
И, связан, лег на мох.

Довольно занимал нас Джон.
Что ж делал Робин Гуд,
Когда к могучему стрелку
Стопы его ведут?

Промолвил Робин: «Добрый день!»
«Привет!» — сказал другой.
«Судя по луку твоему,

Стрелок ты не плохой».

«Свободен я, — сказал стрелок, —
Во времени моем!»
Ответил Робин: «Буду я
Твоим проводником».

«Я здесь изгнанника ищу,
Чье имя Робин Гуд.
Желанней встретить мне его,
Чем золотой сосуд».

«Ты встретишь Робина, стрелок,
Когда пойдешь со мной;
В зеленой роще мы сперва
Потешимся игрой.

Сперва покажем ловкость мы,
Избрав вот эту весь.
И встретится нам Робин Гуд,
Быть может, скоро здесь».

Они нарезали кустов
В лесу, где вился хмель.
И наплели из них крестов,
Стрелять желая в цель.

«Начни же, — молвил Робин Гуд, —
Начни, товарищ мой!»
«О, нет, клянусь, — ответил тот, —
Я стану за тобой».

И первый выстрел Гуда в цель
Был мимо на вершок;
Хоть ловок незнакомец был,
Но так стрелять не мог.

Своей второй стрелой стрелок
Слегка царапнул хмель,

Но Робин выпустил стрелу
И расщепляет цель.

Сказал он: «Бог тебя храни,
Стрелял ты славно тут,
И если сердце, как рука,
Тебя не лучше Гуд».

«Скажи ты имя мне свое?» —
Стрелок спросил его.
«Нет, — Робин отвечал, — пока
Не скажешь своего».

Тот молвил: «Я живу в горах,
Чтоб Робина поймать,
И кличут Гай Гисборн, когда
Хотят меня позвать».

«Живу в лесу я, — был ответ, —
Давно тебя дразня,
Я Бернисдельский Робин Гуд,
И ты искал меня».

Безродный каждый видеть мог
Усладу для очей:
Смотреть на бьющихся стрелков,
На темный блеск мечей.

На то, как бились те стрелки,
Мог два часа взирать;
Ни Робин Гуд, ни Гай Гисборн
Не думали бежать.

Но спотыкнулся Робин Гуд
О маленький пенек,
Со страшной силой Гай Гисборн
Его ударил в бок.

«Спаси меня, — воскликнул Гуд, —

Спаси, Христова Мать.
Не подобает никому
До срока умирать».

Воззвал к Марии Робин Гуд
И вновь исполнен сил,
И, сзади нанеся удар,
Он Гая уложил.

Схватил он голову врага,
Воткнул на длинный лук:
«Ты был изменником всю жизнь
И кончил быть им вдруг».

И Робин взял ирландский нож,
Лицо изрезал он;
Один узнал бы Гая, кто
Не женщиной рожден.

И молвил: «Ну, лежи, сэр Гай,
Своей судьбе будь рад;
За злой удар моей руки
Возьмешь ты мой наряд».

Он свой надел на Гая плащ,
Что зеленой листвы;
Сам конской шкурой облечен
От ног до головы.

«Твой лук, и стрелы, и трубу
Возьму с собой я вдаль,
Я навестить моих людей
Отправлюсь в Бернисдаль».

И в путь пустился Робин Гуд,
В рог Гая затрубив;
Над Джоном Маленьким склонясь,
Услышал звук шериф.

«Послушайте, — сказал шериф,
— Свершился правый суд.
Рог Гая трубит потому,
Что умер Робин Гуд.

Сегодня рано загремел
Сэр Гай Гисборна рог».
А вот и в шкуре конской сам
Подходит к ним стрелок.

«Проси, чего ты хочешь. Гай,
Я все тебе дать рад».
«Не нужно, — Робин отвечал,
— Мне никаких наград.

Повержен мною господин.
Позволь убить слугу;
И никаких других наград
Просить я не могу».

«Безумец, — отвечал шериф,
— Ты б мог богатым стать.
Но раз так мало просишь ты,
Могу ль я отказать?»

Услышал господина Джон
И понял — час настал.
«С Христовой силой в небесах
Свободен я», — сказал.

Вот к Джону, развязать его,
Нагнулся Робин Гуд,
Но только стража и шериф
Опять его возьмут.

«Ступайте, — молвил Робин Гуд, —
Подалее от глаз,
Ведь исповедь подслушивать
Не принято у нас».

Взял Робин свой ирландский нож,
Разрезал путы рук
И ног, а после Джону дал,
Как дар, сэра Гая лук.

Джон поднял лук и наложил
Стрелу на рукоять,
И это увидал шериф
И бросился бежать.

Бежал обратно в Ноттингам,
Как только мог, шериф,
И стража бросилась за ним,
Его опередив.

Но как он быстро ни бежал
И как ни прыгал он,
Стрелой в спину угодил
Ему веселый Джон.

Перев. Н. Гумилева.

Робин Гуд и нищий

Часть первая

Хочу я знатным господам
Сейчас поведать тут
О приключении одном,
Где был и Робин Гуд.

В дорогу Робин собрался
Без спутников своих
И к Бернисделю он пришел
Лишь в сумерках густых.
Какой-то бедный человек
Там повстречался с ним,
Спешивший с посохом в руке
Тяжелым и большим.
Он плащ заплатанный носил,
Чтоб не застыть в пути,
Подкладок было в том плаще
Не меньше двадцати.
Висела сумка чрез плечо,
Набитая едой.
Ее поддерживал ремень
Тяжелый и большой.
Три низких шляпы он надел
Одну поверх другой.
Его ни ливень не страшил.
Ни ураган ночной.

Тут добрый Робин преградил
Ему дальнейший путь,
Решив, что должен быть богат
Тот нищий чем-нибудь.
«Стой, — добрый Робин говорит. —
Стой, нищий, не беги!»
Тот не ответил ничего.
Но участил шаги.
«Так нет же, — Робин говорит, —

Ты не спасешься! Стой!»
«Клянусь, стоять я не хочу,—
Ответил удалой, —
Темнеет, к дому моему
Далекий путь тяжел,
Без ужина останусь я
И буду страшно зол».
«Клянусь я, — Робин говорит, —
Таская на спине
Подобный ужин, мог бы ты
Подумать обо мне,
Что тоже хочет каждый день
Обедать, может быть!
Хотел в харчевню я зайти
Да нечем заплатить.
Вы, сударь, мне ссудить должны
На два иль на три дня».
«Свободных, — нищий проворчал, —
Нет денег у меня.
Ты ведь совсем еще не стар,
А, кажется, лентяй...
Не дам тебе я ни гроша,
Хоть год проголодай».
«Клянусь я, — Робин говорит. —
Сошлись не даром мы,
И не уйдешь ты от меня,
Не вытряхнув сумы.
Свой плащ заплатанный снимай
Да убирайся прочь,
Да развязать твои мешки
Не позабудь помочь.
И помни — коль посмеешь ты
Хотя б разинуть рот,
Я посмотрю, легко ль стрела
Через нищего пройдет».

С усмешкой нищий отвечал:
«Ты лучше опусти
Кривую палку; мог бы ты

И пострашней найти!
И не надейся — я не трус.
Нашел чем испугать!
На то лишь палка и годна,
Чтоб пуддинг^[9] ей мешать!
Попробуй, — спорить я готов, —
Ты, может быть, удал,
А не получишь ничего,
Не на того напал!»

Тут в гневе Робин изогнул
Свой благородный лук,
Вложил широкую стрелу,
Но не развел и рук,
Как благородная клюка
Ударила его,
И не осталось от стрелы
И лука ничего.
Напрасно Робин из ножен
Меч вырвал горячо,—
Другой ужаснейший удар
Разбил ему плечо.
Мне кажется, что сорок дней
Меча не тронет он
Ни слова Робин не сказал
Душою огорчен.
Нельзя ни биться, ни бежать.
Что делать — он не знал.
А посох благородный тут
Еще жесточе стал.
По ребрам, шее, по спине
Был Робин награжден.
Пока, ударов не снеся,
Не повалился он.

«Послушай, — нищий говорит,
Теперь валяться срам,
Ты лучше, стоя, подожди,

Пока я денег дам!
Пойдешь в харчевню, да вина
Потребуешь бокал.
Пусть знают все твои друзья
Как славно ты гулял!»
Не молвил Робин ничего,
Не шевельнул рукой.
Недвижный, покрывался он
Землистой бледнотой.

«Скончался», — нищий рассудил
И храбро начал путь.
Желал бы я, чтоб на него
Вам удалось взглянуть.

Часть вторая

Трем людям Робина идти
Случилось тем путем,
Где предводитель их без чувств
Валялся под холмом.

Склонились к Робину они,
Рыдая тяжело.
Им рассказать никто не мог,
Что здесь произошло.
Они ощупали его.
Но не открыли ран,
Лишь у запекшегося рта
Кровь била, как фонтан.
Но пригоршня воды ему
Дала немного сил,
Он шевельнулся, поглядел
И вдруг заговорил.
«Что было с вами, господин? —
Спросили, — кто напал?»
Тут Робин про свою беду,
Вздыхая, рассказал:
«Прекрасный лук мой этот лес
Лет двадцать сторожит,
Но я никем и никогда
Так не бывал избит.
Какой-то нищий проходил,
Он на меня напал,
И ребра посохом своим
Он мне переломал.
На холм смотрите, — плащ его
Еще заметен там.
Вы отомстить ему должны,
Коль был я дорог вам.
Пусть тут же, на моих глазах,
Его накажет плеть.

Сюда велите, дайте мне
Спокойно умереть.
А если не достанет сил
Тащить его сюда,
Хоть преградите путь, а то
Я не снесу стыда».
«Вы слабы, вас оберегать
Останется один,
А негодяя приведут
Другие, господин».
«Клянусь я, — Робин говорит, —
Нет времени словам,
Поторопитесь, — как бы он
Не отплатил и вам».
«Нет, с ним расправа не трудна,
И нам неведом страх.
Пред проходимцем, что бредет
Лишь с посохом в руках.
Не долго устоит клюка,
Извольте лишь посмотреть.
Мы приведем его сюда
И приготовим плеть.
Тогда решим мы — пасть ему,
Иль на ветвях висеть!»
«Но будьте хитрыми, пока
Не ждет он ничего.
Да завладейте поскорей
Вы посохом его», —

Оставим Робина теперь
С одним из удальцов.
Он обессилел и не мог
Пройти и двух шагов.
Мы ж возвратимся к храбрецу,
Что на гору всходил
И, зла не помня своего,
Уже спокоен был.
Тот холм, где свой держал он путь,
Был молодцам знаком.

Три мили сократив, они
Пошли другим путем.
Спешили, не щадили сил,
Сквозь чащу, через грязь,
Ни на горы всходить, ни с гор
Спускаться не страшась.
И обошли врага, — ничто
Не помешало им.
У рощи спрятались они
Под деревом густым.
Там нищего подстерегать
Решили с двух сторон.
Не ожидая ничего,
Приблизился к ним он.
Чуть поравнялся, как один
Со всех рванулся сил,
Заметил посох и его
За острие схватил.
Сверкнул отточенным ножом
И закричал другой:
«Брось посох, негодяй, не то
Отходную запой!»
И посох отняли они,
И кинули в траву.
Чуть с горя нищий не решил,
Что бредит наяву.
Невероятен был его
Ужаснейший испуг:
Без посоха, он стал и слаб
И беззащитен вдруг.
Не знал, чего хотят враги,
Их велико-ль число.
Он смерти ждал, — в его душе
Отчаянье росло.
«О, ради Бога, — он сказал, —
На что вам жизнь моя?
Нож опустите, иль сейчас
Умру со страху я.
Ведь я не сделал никогда

Вам никакого зла.
За кровь несчастного вся жизнь
Вам будет тяжела».
«Ты лжешь, — ответили они,
— Клянемся в том, злодей.
Ты чуть героя не убил,
Отраду всех людей.
Мы поведем тебя к нему.
И что с тобою там
Нам сделать — вздернуть иль убить
Пусть выберет он сам».

«Все кончено — спасенья нет»,—
Так нищий рассудил.
И свет Господен стал ему
И горек, и постыл.
«Освободиться-б, — думал он.
— Да посох мне опять.
Пусть попытаются они
Тогда меня связать».
И он задумался — нельзя-ль
Дела восстановить
И этих молодых людей
Во всем перехитрить.
Хотел за стыд пережитой
Он причинить им зло.
Дул резкий ветер — он решил.
Что тут ему везло.
«Оставьте, — молвил, — господа,
Вы нищего пожить
Ведь вам не может кровь его
Ни в чем полезной быть.
Ведь, защищаясь, я убил
Того, кто нападал.
За жизнь награду поценней
Охотно я бы дал.
Пустите честно, не сломав
Мне шеи иль ребра —
Сто фунтов ваши, да еще

Не меньше серебра.
Его я долго под плащем
Копил и собирал.
В мешок запрятал, и никто
Того не замечал».
Совет понравился и вмиг
Свободен нищий был.
Ведь было ясно, что бежать
Он не нашел бы сил.
Решили юноши сперва
Все деньги отберут
И, нищему не дав уйти,
На месте же убьют.
Ведь добрый Робин знать не мог
Об этом ничего.
Он счастлив будет услышать.
Что умер враг его.

«Что время тратить, — говорят, —
Рассчитывайся, плут.
За преступление с тебя
Недорого берут.
Коль все сокровища отдашь.
Не изменив словам,
Свободным сделаешься ты.
Чтоб ни грозило нам».
Тут на заплатанном плаще
Мешки он растянул
Тяжелые, — со стороны
Откуда ветер дул.
Большую сумку отцепил,
Набитую едой;
Что пара дятлов там была,
Ручаюсь головой.
Он широко ее раскрыл
И, в обе взяв руки,
Слегка приподнял над собой.
Не двигались стрелки.
Тут все лежащее в мешке —

Хлеб, пироги, яйцо —
Собравшись с силами, швырнул
Он прямо им в лицо.
Им показалось — свет померк
За черной пеленой.
Был нищий радостью об'ят
И поднял посох свой.
Он поглядел, — как их наряд
Испачкан, загрязнен,
Почистить платье надо им,
И чистку начал он.
Они еще не поднялись,
Еще был мутен взгляд,—
Удары крепкие на них
Посыпались, что град.
Стрелки бесстрашные бежать
Со всех пустились ног.
Проворен нищий, — но никак
Он их догнать не мог.
«Повремените, — вскрикнул он,
Куда же так спешить!
Ведь не успели вы еще
И денег получить!
Скажите: из мешка-ли пыль
Так испугала вас?
Хороший посох у меня.
Все вычистит тотчас!»
Но не ответили они,
Безмолвней мертвых скал.
Покуда нищий в темный лес
От них не убежал.
Напрасно было бы искать
Его во мгле ночной.
Судите сами, как они
Отправились домой?

Все просит Робин рассказать.
«Все плохо», — говорят.
«Но, — молвил Робин, — были-ль вы,

Где мельницы стоят?
Обильна мясом та земля.
Хоть все зубами рви.
Не оттого-ль плащи у вас
В лохмотьях и крови?»
Им стыдно слово проронить,
Им не поднять главы.
«Я, — молвил Робин, — так и знал,
Что попадетесь вы.
Все дело расскажите мне.
С начала до конца.
Как встретили, куда свели
Как били молодца?»
Тут все, что я вам рассказал,
Поведали ему:
Про то, как нищий их провел,
Опорожнив суму,
Как ребра все до одного
Он им пересчитал,
Как в чащу темную потом
Коварно убежал,
Как добрели они домой.
Как больно им ходить...
И вскрикнул добрый Робин: «Вон!
Позора нам не смыть».

Хоть Робин яростью пылал,
Но тем развеселен,
Что поплатились удалцы,
Им улыбнулся он!

Перев. Г. Адамовича

Робин Гуд и епископ

Эй, подойдите, господа,
Послушайте рассказ,
Как сам епископ мессу пел
За Робин Гуда раз.

Случилось это в яркий день:
Чуть начал Феб^[10] вставать.
Стрелок веселый Робин Гуд
Собрался погулять.

Бредет он по лесу и вдруг
Заметил меж ветвей
Епископ гордый перед ним,
Со свитою своей.

«Клянусь! — воскликнул Робин Гуд,
— Я вовсе не хочу,
Чтоб я был пойман, осужден
И отдан палачу!»

Он видит хижину вблизи,
Стучится у дверей,
Старухе громко он кричит:
«Спаси меня скорей».

«Но кто ты? — спрашивает та.
— И как тебя зовут?»
«Все знают, вне закона я.
Зовусь я — Робин Гуд.

Епископ едет через лес,
Отрядом окружен,
И, если буду я открыт,
Меня повесит он».

Старуха молвит: «Если ты
Взаправду Робин Гуд,
То от епископских людей
Найдешь ты здесь приют.

Мне платье Робин Гуд принес
В Рождественскую ночь,
И постараюсь я ему
В опасности помочь».

«Возьми же мой зеленый плащ
С колчаном и мечом,
А мне твой серый плащ отдай
С твоим веретеном».

Так нарядившись, Робин Гуд
Идет к своим друзьям,
Назад глядит он, позади
Епископ едет сам.

«Кто там, — Джон Маленький сказал,
— Бредет сквозь лес густой?
Я ведьму старую сейчас
Попотчую стрелой».

И крикнул Робин Гуд: «Постой,
Ведь больно стрелы бьют!
Взгляни, ведь я — твой господин,
Твой добрый Робин Гуд!»

Епископ в хижину вошел
И крикнул, разъярясь:
«Пусть Робин Гуда мне ведут,
Предателя, тотчас!»

Старуху посадив с собой
На белого коня,
Он все смеялся: «Робин Гуд,
Узнаешь ты меня».

Но, проезжая через лес,
Вдруг встал он, недвижим.
Он видит храбрых сто стрелков
Под деревом большим.

Епископ спрашивает: «Кто
Стоит рядами тут?»
Старуха молвит: «Мнится мне,
Что это Робин Гуд».

Сказал епископ: «Кто ж со мной?
Я, право, не пойму!»
«Поймешь, епископ-дуралей,
Коль юбку подыму!»

Вскричал епископ: «Горе мне!»
И повернулся вспять,
Но Робин Гуд ему кричит,
Велит ему стоять.

«Какой почтенный гость у нас!» —
Сказал с улыбкой Джон.
И крепко привязал коня
Епископского он.

А Робин Гуд зеленый плащ
Снял со своей спины
И триста фунтов отсчитал
Епископской казны.

«Теперь, — воскликнул Робин Гуд, —
— Пускай домой идет!»
Джон Маленький ответил: «Нет,
Пусть мессу пропоет!»

Епископа взял Робин Гуд
И привязал к стволу,
И тот пропел им «Отче Наш»

И всем стрелкам хвалу.

И лишь потом епископ наш
Отправился домой
Верхом, но задом наперед,
Держась за хвост рукой.

Перев. Г. Иванова.

notes

Примечания

О взаимоотношениях саксов и норманнов того времени читай издания «Всемирной Литературы» — Вальтер-Скотт, «Айвенго» и Конрад Мейер, «Святой и король».

Менестрель — народный певец.

Аббат — католический священник.

4

Фунт стерлингов — английская золотая монета ценностью в наши прежние десять рублей.

Приор — настоятель монастыря.

Пенни — медная монета, ценностью в наш пятак.

Шериф — высший полицейский чин в графстве (уезде), вроде нашего исправника.

Эль — любимый английский напиток, приготовляемый из имбиря.

Пуддинг — любимое английское кушанье, приготовляемое из теста или крупы.

Феб — древне-римский бог солнца. В Англии, которая была когда-то под римским владычеством, память о языческих богах сохраняется до сих пор в поговорках и поэзии.